3-й ГОД ИЗДАНИЯ

СМЕХАЧ

ИЮНЬ 1925 Ленинград, Просп. Володарского, 53-а. Ред. тел. 5-49-78, конт. тел. 1-68-80 Цена 25 коп.

КОНСЕРВИРОВАННЫЙ ДОМ

Консерваторы не разрешили...

ЛОНДОН, 28. Исторический комитет Лондона не разрешил повесить памятную доску на доме, в котором жил Карл Маркс.

Рис. Л. Бродаты

— Вместо одной доски, мы покрыли досками весь дом! А марксисты всё-таки недовольны!

ЧУДЕСА НОВОЗАВЕТНЫЕ В 1925 ГОДУ

Рис. В. Лебедева

Экскурсантов, рабочих фабрики „Пролетарская Победа“, повезли в Сестрорецк в вагонах из под угля. Экскурсанты стали похожи на трубочистов.
(Из Ленинградских газет)

... И узреша экскурсанты друг друга и возопиша гласом велиим:
— Братия! Ныне мы черны лицом, яко углие! И не признают нас ближние наши. Припадите же с молитвою начальнику станции, да сотворит обратное чудо!

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ПОЛОВОЙ ВОПРОС В ПОЛТАВЩИНЕ

Любопытнейшую заметку читаем в Киевской „Пролетарской Правде“ (№ 106):

На заборе в Борисполе—громаднейшая афиша: „Сегодня здесь в помещении Райсельбуда профессор В. А, Язовский прочитает лекцию о половом вопросе“.

Содержание лекции: Эрогенные зоны. Инфатилизм, Сосание, Методы предупреждения зачатия, Токогония, Моногония, Амфигония; Метагенезис, Гетерогония, Мазохизм; Половой вопрос при родовом коммунизме; При феодализме; При капитализме; При Социализме. Цены от 25 до 70 копеек.

Зал понятно переполнен. Лекция начинается в 11 ч. вечера.

Лектор за отсутствием времени, а то и возможности просто читать при таком перенаселении просто, в двух-трех словах, объяснил, что такое токогония и еще прочие десятки иностранных слов. Это было что-то похожее, временами, па чтение словаря иностранных слов.

Перлы лекции: „Ребенок не так удовлетворяется молоком, как получает половое удовлетворение от самого акта сосания. Курение—также акт сосания. оно предоставляет половое удовлетворение“.

После лекции подавались игривые записки: *„бывает-ли от поцелуя“* и т. д., и т. д.

Из Борисполя лектор поехал в Лубны.

Срочная. Лубны. Прилуки. Полтава. Харьков. Всем. Всем. Всем. Едет половым-вопросом лектор Язовский. Берегите карманы. Гоните в шею. „Смехач“.

И помолились начальнику станции, и рече он:—Веруйте, и сотворится по желанию вашему.
И бысть по словам его. И егда изыдоша из вагона, белее снега убеляхуся.
Ибо: вверг он их в вагон из-под мела.

ЕЩЕ О „ЛЕШЕГОНАХ“

Месяца два тому назад, т. Сосновский в „Правде“ (№ 76) в фельетоне „Лешегоны“, приводит потрясающие факты того невежества и сумбура, которые царят в головах некоторых комячеек, затерянных в провинциальной архангельской глуши. (Например, слушали: по первому вопросу т. Плихин сказал о выезде *нашего представителя Чемберлена во Францию*).

Ныне архив т. Сосновского мы можем обогатить новым материалом, почерпнутым из статьи т Липатова в читинской газете „Забайкальский рабочий“ (№ 96):

> Общее открытое собрание ячеек №№ 9 и 13 Читы I слушает доклад о ленинизме и троцкизме. Докладчик говорит, секретарь пишет:
>
> „Спор этот (о перманентной революции и т. д.), основан не на политической почве, *а на почве личных счетов*“.

Далее—протокол заседания бюро ячейки № 12 (Чита I), где докладчик, не доверяя секретарю, сам заполняет графу протокола „слушали:“

> Вот эта запись:
>
> *„часть наших товарищей не только показывают себя в агитспособности но имеют запрос выделения их докладчиками“...*
>
> И поэтому:
>
> *„бюро ячейки такое настроение и запросы следует использовать как можно шире в смысле поднятия активности, так как в этом будет играть соревнование построенное на психике, а чем хуже и т. д.“*
>
> А этого бояться нет надобности, хотя и—
>
> *„встретится по наружности нежелательное явление, и именно: соревнование продлить конкуренцию и эгоистический уклад мыслей“...*
>
> *поскольку*
>
> *„всякая активность может быть только при приподнятом настроении „нет революционера, а в особенности коммуниста хладнокровного“...*
>
> Тем паче, что—
>
> *„конкуренция имеет свой конец или закон разочарования и“...*
>
> Точка!!!

Далекая Архангельская окраина, ты не одна! Дай руку!— горестно заканчивает т. Липатов свою заметку.

Что рука? Руку подать нетрудно, а вот инструктора из центра подать в этакую глушь—очевидно, дело немалое!

„НАИВНЫЕ“ КООПЕРАТОРЫ

Самый простодушный народ. Сельские кооператоры. Калужская „Коммуна“ (№ 105) пишет:

> Сел.-хоз. товарищество в с. Хозецком, Ивановской вол., Козельского у., получило от Губсельбанка ссуду в 700 руб. и вместо того, чтобы употребить эти деньги на общественное дело, *поделили их между членами т-ва.*

Ну, взяли, скажем, этих молодчиков, ну, посадили. А они все еще не понимают; уже это пишут: *„все на помощь кооперации“*—нашлась добрая душа в банке, дала ссуду; чего кажется лучше. Так нет же—подай назад: орут все хором *„руки прочь от кооперации!“*

Иди, тут, разберись, как хочешь. Трудная—штука жизнь!

ЛИКВИДАЦИЯ ГРАМОТНОСТИ

В зале I-го класса на ст. Голутвин (М.-Каз. ж. д.) красуется объявление:

> Воспрещает
> Сорить плевать
> Бросать окурки
> Грызть семячки
> Виновные за
> нарушен. правил
> Будут штрафова
> ть

А кого ж они будут штрафовать?

Неграмотного автора объявления — за враждебное отношение к грамматике.

РАДИО-ТЕХНИКА

Сообщает рабкор Д. Казыльский:

> В доме отдыха на ст. Прозоровская (М.-Каз. ж. д.) имеется радио-приемник с громкоговорителем.
>
> Отдыхающие, казалось бы, могли каждый вечер наслаждаться этим культурным развлечением, но... ключ от приемника находится постоянно в кармане зав. домом, а зав. всегда находится в разъездах.

Такое усовершенствование радио-аппарата—новинка в СССР. Рекомендуем заву взять патент на свое *„Радио в кармане“*.

СТАНЦИЯ, ЧТО НАДО!

> На ст. Смышляевка Сам.-Зл. ж. д. дорожный мастер с предместкомом сняли рабочих с пути и погнали на дрезине отвезти их жен с грузом муки.

Сразило нас, как будто громом,
Ужели? Мастер с Предместкомом??
Раздумием душа объята:—
В Смышляевке—смышленные ребята!!

ДЕЛА КООП-ПРОТИВНЫЕ

В Брянске кооперация „налаживается“:

> Воспользовавшись отсутствием на рынке ржаной муки, некоторые магазины ЦРК и других обществ отпускали муку ржаную при обязательной покупке рыбы (иногда и с тухлинкой), за которую в свою очередь драли по 13-14 коп. за фунт.
>
> Как бы то ни было, но сейчас у нас в магазинах ощущается острый недостаток рыбы.
>
> „Мудрые“ завы и помзавы магазинами за неимением рыбы лишаются слова „мудрые“, так как никак не придумают, что бы еще слишком неходового отпускать вместе с мукой.
>
> Может быть редакция „Смехача“ посоветует убитым горем завам, чем еще можно заменить рыбу?

Можем посоветывать детские соски, губную помаду и намордники для медведей. Мало портящийся и широко потребляемый товар.

После тухлой рыбы брянский потребитель все возьмет,—какую бы свинью ни подложили.

К НАЧАЛУ СТРОИТЕЛЬНОГО СЕЗОНА

Дельное письмецо в редакцию печатает Ив. Вознесенский— „Рабочий Край“:

> ПОСТРОИЛИ ГОРОДОК, ДА НЕ ИЗ ТОГО МАТЕРИАЛА.
>
> (Ф-ка Зарядье).
>
> При общежитии № 8 во всех 3 этажах заколочены женские уборные.
>
> Днем мужская уборная занимается сразу группой женщин человек 15—20.
>
> А ночью жильцы ходят в сад. В саду вырос целый городок из кучек. Растаскивают их на ногах и жильцы, и детишки, и мухи.
>
> *Куда нам социализм строить, если своего собственного дерьма убрать не умеем?*
>
> Ну-ка, завхоз, научи!

А как завхоз научить может, ежели он сам подлежит уборке в первую очередь? А вы говорите: города-сады?!

И НЕТ, И ДА

> На платформе ст. Омск. нет баков с кипяченой водой.
>
> В центральном телеграфе управления Омской на двадцать человек телеграфистов около бака с водой висит всего одна кружка.

Смущает Омск меня немало,
Какой подать ему совет?
Есть в Омске бак, но кружек мало,
Есть кружки в Омске—бака нет!

НЕ ДЛЯ РАБОЧИХ

(Гор. Саратов).

Рабочие-железнодорожники Саратовского узла еще зимой, задолго до курортной кампании, частенько поговаривали о своем курорте, на ст. Эльтон, Р.-У. ж. д.

— Слыхал, Миронов, курорт-то наш Эльтон как ремонтируют, около 15.000 р. на один ремонт только отпустили. Все в порядке приводится, чистится, садики разбивают, клумбы, цветы, словом, второй Крым хотят устроить для железнодорожников. Ведь в этом году большой процент будут посылать рабочих.

Весна. Все желающие лечиться от ревматизма в Эльтонской грязелечебнице прошли врачебную помощь. Ждут, когда об'явят список счастливчиков, которые поедут на курорт.

Через несколько дней страхпункт развесил списки. Читаем: в первую очередь жена пом. нач. Р.-У. ж. д. Шейкина, жена предстрахкассы Сапешина, жена директора курорта— Прозоровская, жена и т. д. и т. д., вообще, жены главков, получающих до 300 руб. в месяц.

Почему же нет рабочих в списках, — возмущаются действительно больные рабочие, нуждающиеся в лечении.

Обратились во врачебную комиссию за разъяснением. Там разъяснили, что нет мест.

Спрашивается, почему отправляют на лечение большой процент членов семьи, да еще тех, которые в состоянии ехать за свой счет. Ведь порядочная часть рабочих и низших служащих осталась за бортом. Комиссия при осмотре мелких сошек совсем не замечала.

Оказывается, курорты не для рабочих, а для большого начальства с их женами.

Такое положение совершенно недопустимо.

Рис. Н. Радлова

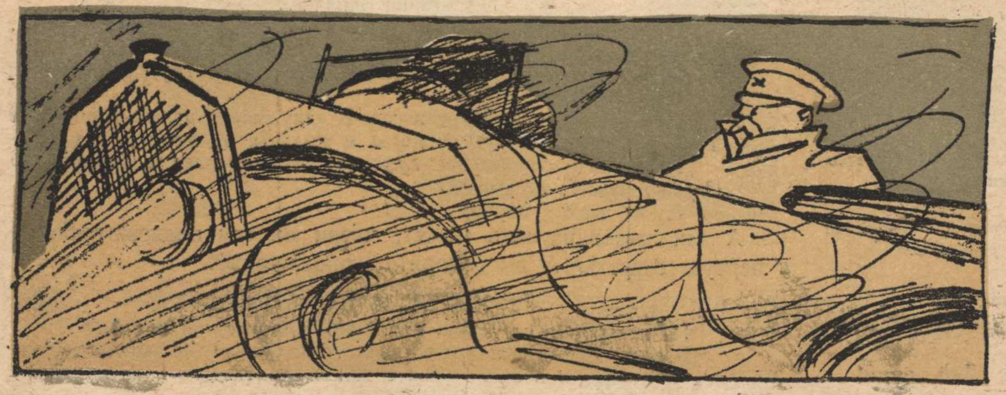
— Дамочка! Что за безобразие! Мало вам места на курорте? Вы бы хоть здесь-то потеснились, и не портили шрифта! Нахальство!

КТО КАК ПРОВОДИТ ЛЕТО

Рис. Л. Бродаты

Нэпман жарится в духоте.

Спец вынужден глотать пыль на Военно-Грузинской дороге.

Жены ответственных работников не вылазят из грязи.

Крестьяне—на чистом воздухе.

Рабочий собирается на курорт.

ПОЕДИНОК.

В природе существуют люди, страдающие отсутствием воображения. Люди, фантазия которых никак не простирается свыше ста рублей наличными и глубже шубы с выдровым воротником.

Если страдает отсутствием фантазии, например, трамвайный кондуктор или писатель утопических романов—это еще пол-беды.

Прямого ущерба от этого государству не будет.

Но горе, если фантазия отсутствует у финансового инспектора!

Горе! Горе! Горе!

* * *

Наведя кой-какие справки о заработках гражданина Лиллипутера, финансовый инспектор сладострастно потер руки и сказал секретарю:

— Пишите этому гаду сто рублей. В трехневный срок. Чтоб. Он у меня потанцует...

* * *

Однако, гад Лиллипутер не имел никаких хореографических наклонностей и от танцев решительно отказался.

— Что значит сто рублей? Пускай описывают обстановку. Больше пяти червонцев она все равно не поднимет. А за сто рублей я себе куплю такую новую, что фининспектор лопнет.

* * *

— Хор-рошо-о-с. Так и запишем-с,— мрачно сказал фининспектор.—Я ему покажу, как за сто рублей новую обстановку покупать. Секретарь, пишите гаду Лиллипутеру дополнительных двести рублей. В трехдневный срок. Чтоб. Он у меня потан-цует.

* * *

— Что значит потанцует? что значит двести рублей?—решил практичный Лиллипутер. —Пусть описывают. За двести рублей я себе такую новую обстановку заведу, что перед ней старая побледнеет. Верных сто процентов выгоды.

* * *

— Что? Лиллипутер купил новую обстановку за двести рублей? Ну, знаете... Не нахожу слов... Секретарь, пишите гаду пятьсот рублей и чтоб в трехднев...

* * *

— Пятьсот рублей? Ха! Пусть описывают. За пятьсот рублей куплю роскошную новую. Рококо. Триста рублей чистой прибыли...

* * *

— Секретарь, пишите ему тысячу и чтоб в трех...

* * *

— Ха-ха! Пусть описывают, тысяча рублей чистой прибыли. Можно дачку отремонтировать.

* * *

— Пиш-ш-шите-е тысяча пятьсот! Чтоб в трех-х-х..

* * *

— Ха-ха-ха...

* * *

Финансовый инспектор вошел в роскошную гостинную Лиллипутера и, тяжело опустившись в шелковое кресло Луи XIV, глухо прошептал:

— Сколько? Раз и навсегда?

— Обкладывайте в три тысячи,—скромно сказал Лиллипутер, вынимая золотой портсигар и предлагая фининспектору египетскую папиросу.

— Окончательно? — подозрительно покосился фининспектор:—без жульничества?

КРЫСИНЫЙ МОР или НЕТ БОЛЬШЕ КРЫС!

Рис. А. Радакова

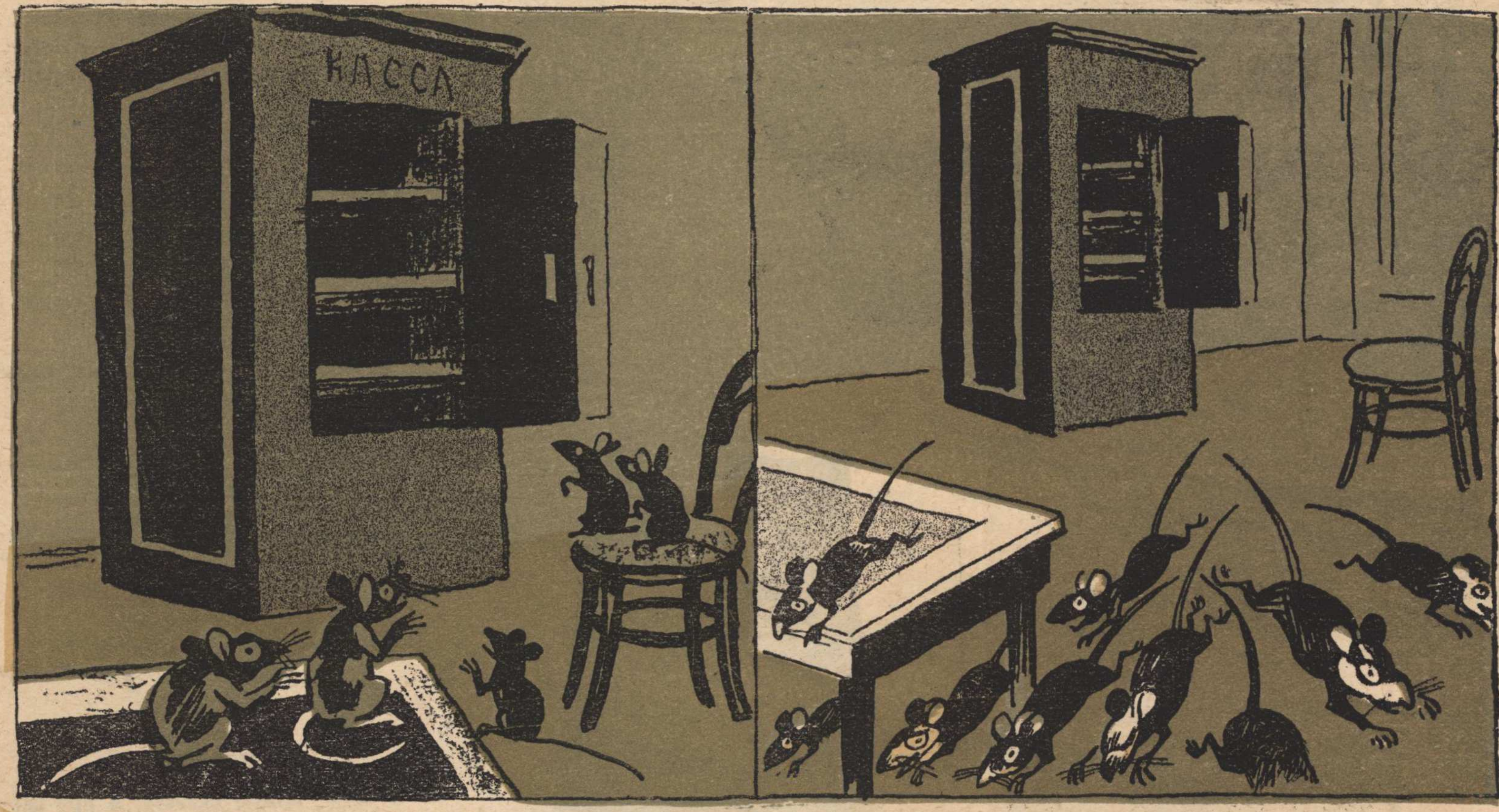
В Твери, на „Пролетарке" боролись с крысами собственными средствами, но заявился профессор Девель по борьбе с грызунами, и дело пошло иначе. Морил с декабря 1924 года и не выморил. Зато, раньше борьба с крысами стоила 10 р. в месяц, а профессору на 5 месяцев отпущено 5 789 рублей.

(Из газет.)

Крыса — подлая тварь. Боролись с нею домашним способом. Может, способ не научный, а все же, глядишь, 2—3 штуки в день угробишь. Дешево и сердито.

Заявился ученый профессор, Девель. И давай качать, и давай ядовитые жидкости рассыропливать. А крыса чихать на него хотела: не боится *девельвации*

Качал-качал, покуда всю кассу не выкачал. Глянули крысы в середку...

— Караул! — кричат: — Скоро жрать будет нечего.

— Айда, братцы, на новые места!
И не стало с этих пор крыс на „Пролетарке".
Очень здорово распорядились!

— Чтоб я себе новой мебели не видел — воскликнул Лиллипутер.

— Сдаюсь — прохрипел фининспектор. — Три тысячи... И чтоб в трехдневный срок. До свиданья.

* * *

— Лиллипутер печально улыбнулся вслед уходящему фининспектору и прошептал:

— Три тысячи налогу! А если тридцать три? Ха! А если у меня восемьдесят тысяч годового дохода?

* * *

Бедный, застенчивый, доверчивый, лишенный воображения фининспектор, увы, не учел этого!

Его скромная фантазия не простиралась свыше трех тысяч, и он самоотверженно пал в жестоком, но неравном бою с гражданином Лиллипутером.

Неравном потому, что у Лиллипутера, повидимому, была кой-какая фантазия, а у фининспектора, увы, ее не было.

Валентин Катаев

МОСКВА

Посвящено М. Зощенко

Вот все говорят—Москва да Москва... Ну, что такое эта Москва? Ну, Москва... ну, подземную дорогу строют... ну, а дальше? А дальше неизвестно что. Тут тебе и дорога, и радио спать не дает, а пожить негде. Живут в фанерном ящике, и у каждого свой примус фыркает. И это называется центр. Это— гадость паршивая с примусом жить, будто водопроводчики. Нет, не нравится мне Москва.

Недавно приехал ко мне один человек из центра. Гуляем мы с ним по Ленинграду. Показываю я ему Ленинградскую достопримечательность.

— Вот, говорю, Медный Всадник, сочинения Пушкина.

Походил он кругом, решетку поковырял, вид брезгливый.

— Ну, как?—спрашиваю.

— Ничего, говорит, неплохо. Очень большой только.

— То-есть, почему, спрашиваю, большой.

— Продать, говорит, трудно. Нынче, говорит, большую вещь невыгодно держать.

Я ему, конечно, ничего не сказал, вижу, человек фасон держит, фыркает все. Ну, думаю, ладно, фыркай пожалуйста, благо у вас деньги водятся. Улицы показываю, а он все недоволен.

— Пусто, говорит, у вас. Некультурно.

— То-есть, как же это некультурно, спрашиваю. Что это значит?

— Так, говорит, пусто... Мало движения, автомобилей мало.

— Каких это, смеюсь, мало вам автомобилей?

— Ну, говорит, простых, на которых ездиют.

— Ах, думаю, машинки... Ну ладно.

Подошли мы, значит, к публичной библиотеке. Вот, говорю. любые машинки. Зря фыркаете, можно даже сейчас прокатиться. Он тут, конешно, то се... не стóит... Нет, говорю, позвольте, Почему не стóит. Я вам доказать могу. Шофер, известно, стращно рад, мене сапоги лижет, может, он нас десять лет ждал. Я тоже в машину сел и эдак роскошно развалился, и даже мечтаю немножко про себя, как я на московские бесплатные денежки прокачусь. Мальчишечка откуда-то прибежал завод вертеть, сейчас, думаю, тронемся шикарно. И вдруг смотрю, куда же мой человек из центра девался? Смотрю он чего-то боком-боком, да и на панель.

— Позвольте, говорю, Соломон Петрович, обернитесь на мене, я здесь.

А он рожу скорчил и мене мигает пальцем. Ах, думаю, стерва, чего опять мигает. Бросьте, говорю, фыркать, Соломон Петрович, садитеся. А он мене крутит, не поеду, говорит, они у вас старые и, наверно, в моторе дырка. „Нет, говорю, дырки; с дыркой не пойдет. Скорей садитеся“. А он около мене по инерции и все свое, что не поедет, и что, может, она лопнет.

ЖИДКИЙ СТИЛЬ

Часто рабочие кооперативы торгуют спиртными напитками за счет предметов первой необходимости. Заботы некоторых из них не идут дальше закупок пива, вина, настоек. (Из газет)

Рис. Г. Эфроса

— Что у вас на стойке? Ни муки, ни хлеба!..
— Настойки отменные: завсегда хлебнуть можно с охотой-с.

НЕМНОЖКО ФИЛОСОФИИ

I.

По корке стынущего шара
Ползет вперед микробов пара;
На нем—шапченка и пальто,
На ней—шляпченка и манто.
От солнца яркого мигая,
Он говорил ей:—„Дорогая,
Все это создано для нас,
Для наших чувств и наших глаз!
Для нас сверкает солнце это,
Лия ручьи тепла и света;
Для нас пахучих трав постель,
Цветы и жаворонков трель!
Чтоб чаще билось сердце наше,
Блестит лазурь, что день, то краше,
А тиховейный ветерок
Целует нежно нам висок...“

II.

По жирной плеши старикашки
Ползут две жалкие букашки;
Он—безусловно, без пальто,
Она—конечно, без манто.
Дорогу милой пролагая,
Он говорит ей:—„Дорогая,
Все это создано для нас.
Для наших чувств и наших глаз!
Чтоб наши грезы были ярче,
До срока оплешател старче
И предоставил купол свой
Сердечной радости живой...“

III.

Ты скажешь: — „Так писать негоже!?.“
Но... почему же? отчего же?
Одно и тоже, там и тут:
Поползал малость, и... *капут!*

Вас. Князев

„СТАЖИСТ“

— У меня, можно сказать, и при царском режиме всякие переделки бывали...

— А вы кто? Не старый боевик будете?

— Не-е... Мы портные!

НЕУДАЧНЫЙ СИМУЛЯНТ

Врач:—Вы говорите, что у вас камни в печени, а между тем за последний месяц прибавились на пять фунтов.

— Так вот камни, наверно, и тянут.

НАКОНЕЦ-ТО!

На Яйле, в районе Ай-Петрин-
ской метеорологической станции про-
изводятся опыты по конденсации пара
и созданию искусственного дождя.
(Телеграмма из Ялты)

Если взвесить событие строго,
Саваофу—хоть пулю в висок!
Вырываем у господа-бога
Самый лакомый то-есть кусок.

* * *

На иконы косясь непотребно,
В ногу с веком бесстрашно идя,
Уж мужик не закажет молебна,
О святом дарованьи дождя,—

* * *

А осмотрится, истово крякнет,
Помудрит, как ученый адъюнкт,
Подойдет к телефону—и звякнет,
В дожде-распределительный пункт:

* * *

—„Нам, товарищ, осадков-бы надо...
Чтой-то клевер маненечко сер...
Отпустите совхозу „Отрада“
В среду утром на 5 атмосфер!“

* * *

Да-с, коль взвесить событие строго,
Саваофу—хоть пулю в висок!
Вырываем у господа-бога
Самый лакомый то-есть кусок!

А. д'Актиль

МУЗЫКАЛЬНАЯ ДУША

Рис. А. Юнгера

— Ми-лый! Сыграй ты мне русскую горькую!

— Как, говорю, лопнет, ежели она заказана. Нельзя же, говорю, денежки, хоть они и московские, псу под хвост бросить. Не Европа.

Так это мы торгуемся, публика собралася. Шофер видит, седоки липовые—расчета просит. Мне, конечно, платить нечем, слез я и говорю:—„Ну, Соломон Петрович, надо что-нибудь пожертвовать.“ А у Соломона Петровича вид равнодушный, трубы считает. „Соломон Петрович,—говорю ему,—трубы потом сочтете, надо ликвидировать. А он тросточкой финтит взад-вперед.“ „Разве говорит, надо? Впрочем, говорит, это ваше дело. Я не садился. У мене, говорит, только один полтинник на кушанье.“

Тут так я весь вскипел, так замутился.

— То-есть, как—говорю,—на кушанье? А чего же ты, сукин сын, за автомобилем скучал?

„Я, говорит, не скучал. Я для слов говорил, не буквально.“

Вижу, стряслась форменная беда, толпа копится, всем надо знать—что делать со мной: бить меня или что?.. Консультанты.

„Отдавайте, говорят, вы обязаны. Заказ был.

— Как,—говорю,—обязан? А человек из центра... Он подначивал.

— Где,—говорят,—подначивал, докажите его.

— Нечего,—говорю,—доказывать... Доказательство при тросточке стоит и тросточкой машет с серебряным набалдачником, зря фырчите.

И кричу, значит: „Соломон Петрович в панике смылся, доказательств у меня никаких.“ Постойте, говорю, граждане. Какой ужасный случай—человек смылся.“ Народ, конешно, не верит: „Мы, говорит, ученые“... Шофер в амбицию, сиденье ладошкой пробует: „Вот, говорит, вы насидели, еще температура есть, еще теплое“...

— Постойте, кричу, дорогие граждане! Где же оно теплое? Ну, действительно, раз коснулся, не отпиряюсь. Да разве я затем коснулся, чтобы платить? Я для доказательства коснулся чтобы гражданину из центра автомобиль доказать.

Газетчик тут с „Вечерней“ тоже шоферу советует: „Ты, говорит, братишка, залепи ему в морду, может заплатит...“

Началося столпотворение. Гражданин какой-то в интеллигентном котелке сюда же сунулся. „Не бейте, говорит, господа, может, он ненормальный, это вредно.“ Мальчишка—сволочь, который завод нам вертел, все дело спортил. „Не верь, кричит, дядя Степа, он симулянт, дай ему!“ Шофер известно рад, лень ему разбираться. Орет: „Платите сразу, тут не Европа.“

„То-есть, как, кричу, не, Европа?!.. Откуда мне сразу псу под хвост бросить?“ А шофер гайкой махает у мене под носом. „Заметьте, орет, граждане, слова этого буржуйчика, я за оскорбление не отвечаю.“ И не успел я поясниться, чтобы мене не поняли буквально, как он дернул мене гайкой по носу, сверкнула у меня кровь, и упала прямо стоящей гражданочке на белую грудь. Гражданочка вопит. „У меня, говорит, кофта и муслина, вся грудь спорчена.“ Тут все обалдели, взяли мене за рукав и повели в милицию. Ну, думаю, даром отделался. Могли убить.

В милиции, конешно, объясняюсь, так мол и так, машинку мол пробовал для гражданина из центра, и что мол ответить никак не могу, ежели в центре жулики. Вдруг, вижу будто начальник милиции нахмурился, я, в панике, понявши все, закричал. „Дорогие граждане, не поймите меня буквально. Я, наверное, больной“.

Ввязывается здесь та самая гражданочка: „Пущай, кричит, он больной, пущай его испытают, а отвиливать я ему не позволю. Пущай он ответит за попорченную грудь своею кровью“.

— Позвольте, доказываю я, любезная гражданочка. Никто не отвиливает... Я не понимаю, разве кровь мене спрашивалася? Где тут... Ничего не доказать. „Вы, кричит, обязаны были заткнуться... Я не какая такая... Я пролетарского состояния“.

— Верю, говорю, верю, гражданочка... Да чем я заткнусь, ежели у меня такая тонкая ноздря, что мизинец не лезет. Рассудите, пожалуйста. Конешно, я ваш гнев понимаю, время нынче тяжелое, кофточка-то поди муслиновая вам недаром досталася.

Тут она окончательно завопит. „Обратите, вопит, ваше внимание на намек в присутствии толпы. „И просит еще за оскорбление вписать в протокол „Вы, вопит, и за это добавочно оскорбительный штраф заплатите в мою пользу“.

Я уж совсем освирипевши, в глазах блуждаю. „Жарьте, кричу, жарьте, за всю машинку. Я окончательно ненормальный и за преступления свои не отвечу“. Симулировать стал. Сорвал чернильницу и бросился ею об пол. Не бьется подлая, только чернило зря пролито на толпу, начал я ее каблуком давить, тут мене схватили за руки и кричат: „Звоните, кричат скорее спешную скорую помощь“.

Часа два звонили..

Потом мене увезли. Но все было напрасно. Признали меня отвечающим за все действия. И теперь причитается с меня так: шоферу за машинку—десять, муслиновая кофта гражданочки—десять, за скандал в милиции—двадцать пять, итого—сорок пять.

А женское оскорбление судья скостил. Не буквально, говорит. Очень хороший судья.

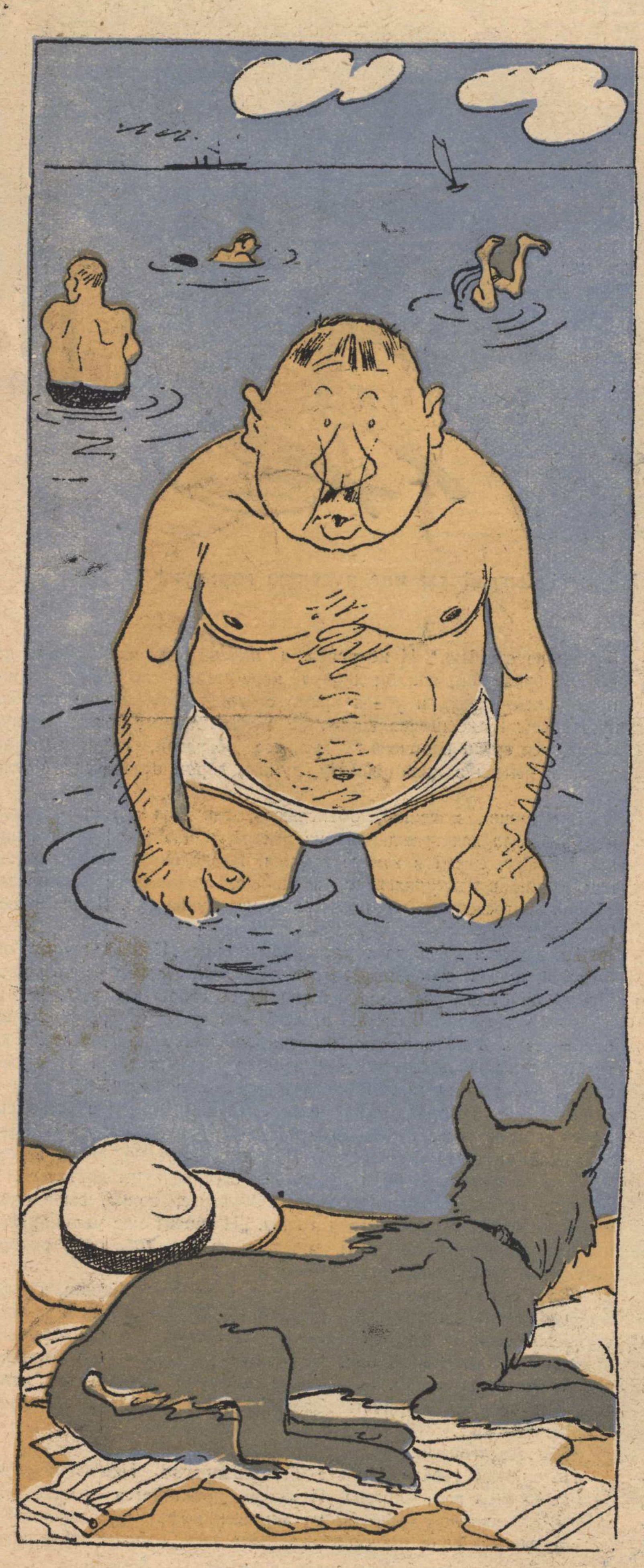
Вот! А вы говорите—Москва. Нет! Не люблю я этой самой вашей Москвы.

Николай Никитин

„СОБАЧИЙ НЮХ“

В целях борьбы с бандитизмом на курортах, на которую решено обратить в текущем сезоне усиленное внимание, туда командируются отряды специальных сотрудников угрозыска с собаками-ищейками.

Рис. Н. Радлова

— О-о! Никак пронюхала!.. А только что именно? То-ли, что в 1918 году я заработал на партии мешков, или что в 1924 году дал ложные сведения о доходах?...

НЕЧТО О РАДИО.

Я люблю завоевания человеческого гения во всех областях.

Особенно, в области науки и техники.

Конечно, если вышеупомянутые завоевания не приносят мне непосредственных неприятностей, или непоправимого материального ущерба, связанного с капитальным ремонтом квартиры, покупкой новой мебели или упорным и длительным гидропатическим лечением совершенно разрушенной нервной системы.

Потому что „Наука и Техника“—она вещь хоть и газетная, но тонкая и деликатная, требующая к себе бережного и строго-научного подхода, по возможности, лишенного игривых обобщений и легкомысленных выводов.

* * *

Небезизвестный Ниагаров деловито ворвался в мою комнату и отрывисто бросил:

— Работает хорошо?

— Ч..чего работает?

— Радио, говорю, хорошо работает?

— Совсем не работает,—застенчиво сознался я.

— А что такое?—встревожился Ниагаров—антенны пошаливают? Или, может, землю плохую для заземления покупали?

Мне было совестно обманывать этого чистосердечного и шумного добряка.

— У меня, вообще... нет радио,—глухо прошептал я.

Ниагаров схватился за голову.

— Как? У вас?.. Вообще?.. нет?.. радио?... Да вы с ума сошли! Да в таком случае я вам немедленно должен его устроить. Не-мед-ленно.

— Зачем... же... немедленно?—бледно улыбнулся я.

— Никаких возражений, именно, немедленно! Никаких отказов! Ни-ни. Тем более, что это так просто... Домашними средствами. Без особых затрат и дорого стоющих приспособлений. В два счета. Раз-раз, и готово. Клянусь, что через каких нибудь полчаса вы будете, не сходя с места, наслаждаться большим академическим балетом. Впрочем,—к делу. Не такой человек Ниагаров, чтобы зря языком болтать. Где у вас тут чердак?

У меня потемнело в глазах.

* * *

— Это что?

— Т...трубка. Телефонная.

— Телефонная.? Это хорошо. А вот мы ее сейчас. Чик-чик. И готово. Да вы не волнуйтесь. Чудак-человек, нельзя же чтоб радио, да вдруг без трубки. А это что?

— З...звонок. Электрический.

— Оч..очень хорошо. Отличная антенна. Где ножницы? Спокойно. Чик-чик. Готово. Мерси. А это что такое?

— Ф...ф...форточка.

— Гениально. А вот, мы ее сейчас. Чик-чик. Дзинь—и ваших нет... Чудак-человек—плачет. Чего, спрашивается? Ведь нужно же куда нибудь заземление всунуть? Холодно?? Ерунда. Говорят, на днях опять потеплеет. А что это такое у вас из бокового кармана торчит?

— Ч...ч...ч...часы...ы...

— Замечательно. А ну-ка, давайте их сюда. Да не бойтесь. Ничего ужасного не будет. Чик-чик. И готово. Я только маленькую пружинку из них вытащил, а остальное можете носить себе на здоровье. Чудак-человек, не может же быть радио без детектора. А это что?

— Г...г...г...рамофон... только, товарищ, он, очень...дор...рогой...

— Дорогой, говорите? Тем лучше. Виноват, одну минуточку. Где молоток? Мерси. Чик-чик. И готово...

* * *

Через два часа я стоял на обломках своего семейного очага и, грозно потрясая над головой остатками дорогой и красивой пишущей машины, кричал Ниагарову:

— Негодяй, ты ввел меня в заблуждение обманчивыми перспективами дешового радио! Ты разорил меня и мою семью. Впереди—мрак и нищета. Но я готов простить тебя, подлый Ниагаров, если услышу по твоему паршивому радио хоть один, самый малюсенький звук. Хоть одно, самое микроскопическое слово.. Ну? Где же твоя радио-передача? Говори, гадина!

Ниагаров обидчиво заморгал глазами и сказал:

— Честное слово.. Вы меня прямо удивляете! Вы же понимаете, что я сделал все от меня зависящее: как же можно что нибудь услышать, если заземление плохое. Заземление должно быть хорошее, а не плохое. Я же не виноват, что земля у вас под домом ни к черту...

Ниагаров не окончил своих гнусных оправданий.

Я искалечил его.

Оливер Твист

МОРСКАЯ БОЛЕЗНЬ

Рис. Л. Г.

Вслед за английским флотом (в составе 50 судов), порты прибалтийских государств посетит польский флот, в составе двух канонерок.
(Из газет).

— Пшепрашам, пане! Будьте ласковы,—рвите на другую сторону,—с этой стороны—польская эскадра.

В ГЛУШИ

Есть у нас все новые учреждения, организации: Исполкомы, Советы, РКП, РКСМ, Ячейки, Профсоюзы и т. д., но упрямая, застарелая обывательщина кладет свой отпечаток на все и вся.

Стоит только немного зазеваться, поддаться и засосет, затянет по̀-уши.

Пожары в городе случаются часто, но все пустяковые: сажа горит в трубах. А потому пожарные обыкновенно не спешат.

Весь город со всеми подробностями виден хорошо с незысокой каланчи на двухэтажном доме РИК-а.

Пожарные знают не только улицы, но и всех хозяев и квартирантов с их чадами и домочадцами.

Жарко.

На улицах пустынно.

Пожарный отбивает часы.

Прохожий считает вслух.

— Чо, мало?—кричит он вверх.

— Почему мало?

— Ты бил 10. А теперь 11.

— Ну, на̀ тебе еще.

Пожарный бьет еще один раз в колокол и погружается в созерцательную задумчивость.

Удовлетворенный прохожий идет дальше.

Внимание пожарного привлекает черная струя дыма.

— Должно, горит?—задает он сам себе вопрос.

— Игнашка-а!

— Чо?

— Кажись, горит?

— Де?

— На Оболенской.

— У ково?

— Кажись, у Первушихи!

— У которой?

— Любовь Андреены, что корова пестрая, на одну ногу кульгавая.

— Ну что-ж, звони, пойду запрягать.

— А ты пожди. Может, кто будет иттить—спрошу еще.

— Никто нейдет?

— То-то, нейдет.

— А дым идет?

— Дым, действительно, идет.

— Звони, чо-ли.

— Отворяй ворота-те, буду звонить.

— Да не спеши, чорт, я еще до ворот не дошел, а ён уже забарабанил. Только публику возмущаешь.

— А мне чо, я и перестану.

— Ворота открываются. Из них показывается первая пара лошадей, и тускло поблескивает давно нечищенная медная каска.

— Эй, ты, там, звони! Едем!

— А дым-от, видать?

— Да ничего не видать.

— Для ча звонить-то?

— Велено, и звоню.

— Дурак, коли не горить, то неча и звонить.

— Эй, тетка Арина, ты откуда идешь? Не с Оболенской-ли?

— Не! с дому иду.

— Первушиха там горит?

— Потухла уже.

— Чо в ней горело-то?

— Да ничего не горело, акромя мужа, который летось с самогона сгорел.

— Паря! Не звони ты, язви-те в нос, никакого пожару нет!

— Я не на пожар звоню, я часы бью.

— Что больно много?

— Поди 12, вот и много.

Ворота закрываются. Пожарные расходятся по своим местам.

Арина скрывается за углом.

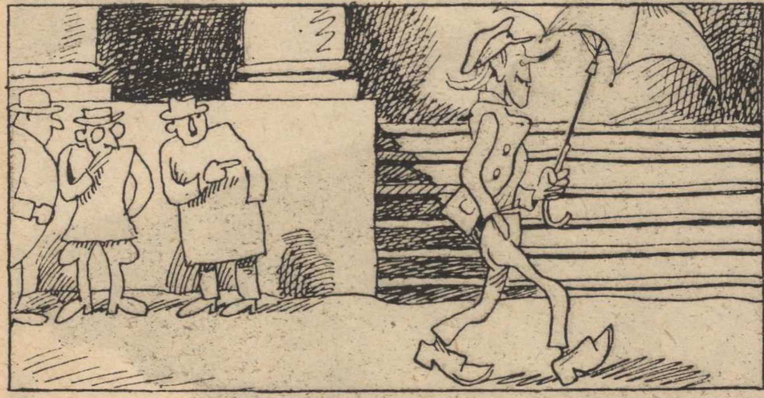
И только один человек на каланче продолжает уныло смотреть на сонный городок.

Один не спит в знойный полдень, охраняя сограждан от огня.

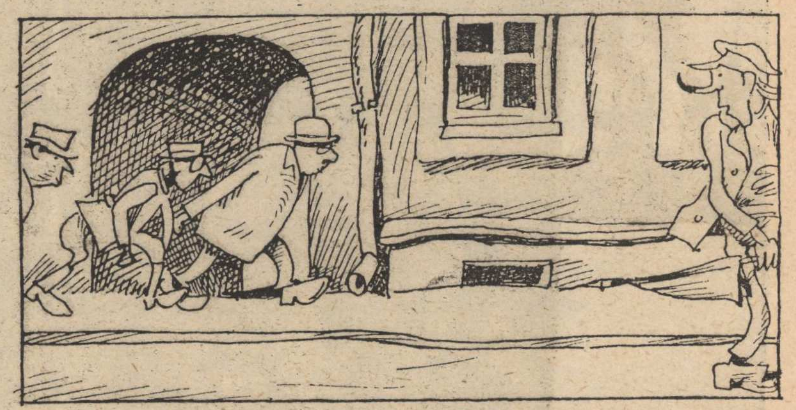
Ум. Иваныч

ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ?

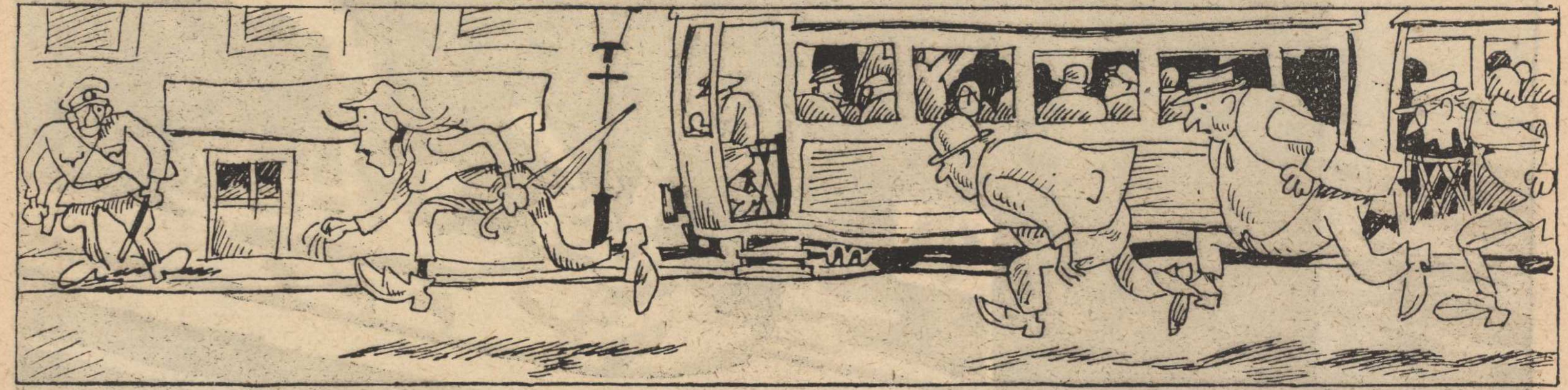
Текст д'Актиля *Рис. Б. Антоновского*

Гуляет Надькин в летний день,
Ему работать стало лень.

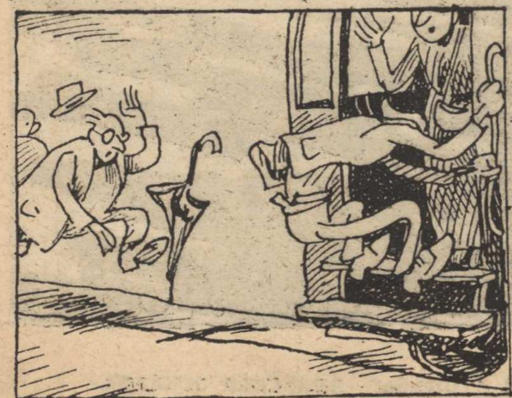

Вдруг...—Что за штука? Не пойму!
Все устремляются к нему.

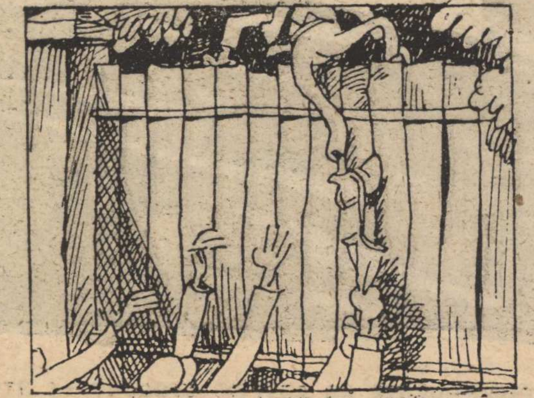

Вползает в душу жуткий страх.
Он мчит назад на всех парах,

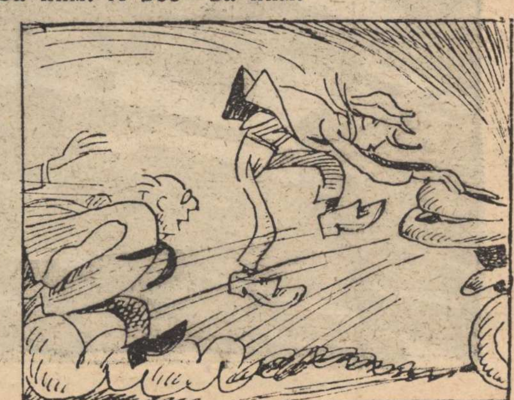
Глухим предчувствием томим...
А все—за ним! А все—за ним!

Он, как мальчишка, на трамвай,
А сзади грохот:—Поддавай!

Он на забор—а все вослед!
Понял, что в бегстве толку нет,

Евлампий прыг в автомобиль.
—„Гони!"... И клубом вьется пыль.

?... К ДЕРЕВНЕ

Приехавший в одну из волостей Волынской губ. докладчик, поучая крестьян, сказал: „Здесь очень много сеют пеньки, выделывают из нее масло и особенно много жмут пшена.“

(См. „Правду“ № 128).

В деревне Дырьи Хаты,
Пальтишко скинув с плеч,
Приехавший оратор
Держал такую речь:
—„Товарищи крестьяне!
Ваш край весьма богат:
Растут грибы в сметане,
На грядках—мармелад.
Посеяна короста,
В реке большой улов—
И вика, и береста,
И масло для коров.
В лугах шлея и ельник,
И тут-же, за селом,
Едят чересседельник
Крестьяне с помелом.
Запаханы овины,
Из пакли жмут овес,
Пеньковые овчины,
И гречневый навоз.
Пусть каждый комсомолец
(Наш долг, в конце концов!)
Сожмет пяток околиц
И кринку огурцов!..
Синел небесный купол,
А речь лилась, лилась.
Пахом себя пощупал:
—„Не пил-ли я вчерась?!“
Потом сказал солидно:
—„Ах, ешь тебя хомут!
А дураков-то, видно,
Не сеют и не жнут!“

Р. Волженин

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

КУЛИКИ НА БОЛОТЕ

Поэт Игорь Северянин воскрес из мертвых и напевно тоскует на страницах Милюковских „Последних новостей“:

— Что такое—Россия, мамочка?
— Это... впавшая в сон княжна.
— Мы разбудим ее любимая.
— Нет, ненадо; она—больна.

* * *

— Надо ехать за ней ухаживать.
— С нею няня ее, была...
— Съели волки старушку бедную.
— А Россия что ж?
— Умерла..

* * *

— Как мне больно, голубушка..
— Сердце плачет, и в сердце страх
— О, дитя, ведь она бессмертна
— И воскреснет она... *на-днях.*

На каких „Днях“? Если на эсеровских „Днях“ воскреснуть собирается, да еще в „Вечернее Время“—пропащее дело!

„Вечернее Время“ кончилось и „Дни“ доживают свои дни...

Бедные эмиграцкие старушки!

ИЗ МИРА ОБЪЯВЛЕНИЙ

Главная контора Ленинградской „Красной Газеты“ напечатала такое „заманчивое“ объявление:

ГАЗЕТА для культурного читателя
ВЕЧЕРНЯЯ КРАСНАЯ ГАЗЕТА
Издание Ленинградского Совета Р. и К. Д.

Нас интересует вопрос: что скажет читатель *утренней* „Красной Газеты“?

ПЕРЕДОВЫЕ ЛЮДИ

Рис. Б. А.

— И все-то слона показывают! Даже надоел!
— А ты чего хочешь?
— А хочу я поглядеть на радио-зайца.

НОВЫЙ ВИД СПОРТА

Газета „Уральский Рабочий (№ 97) в отделе—

Спорт

помещает заметку:

ПОДГОТОВКА СУДЕЙСКОГО СОСТАВА

22 апреля в Свердловске открылся семинарий по подготозке судейского аппарата.

В семинарии занимаются около 40 человек рабочей молодежи. Занятия происходят 2 раза в неделю по 2 часа в день.

Курс семинария расчитан на весь летний период.

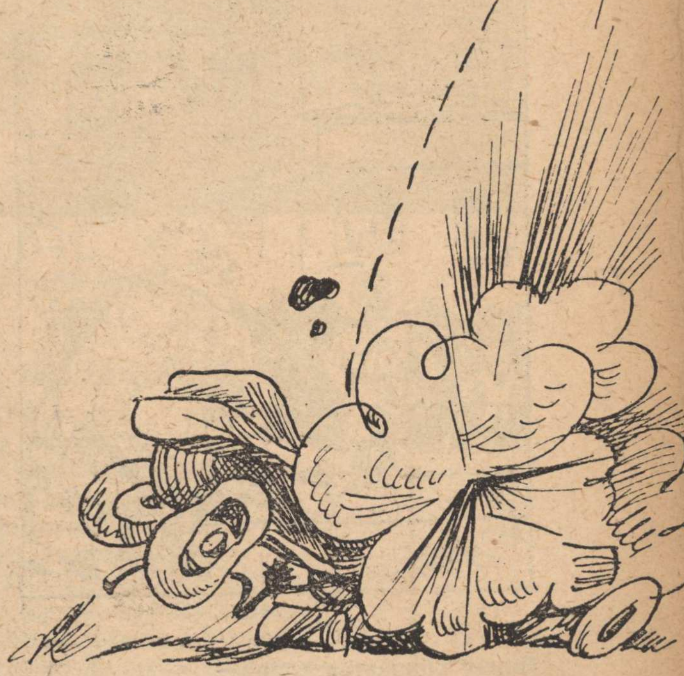
Сущность этого нового вида спорта: ставка на скорость.

Кто скорее поспеет: семинарий — подготовить судейский аппарат, или уголовный элемент—очистить до-тла г. Свердловск.

Рис. И. М.

— Мотри, Ванька! Нам опять, вместо трактора, автомобиль прислали...
— Да не... Это Надькин от погони спасается... Неужто не видишь, слепой чорт?

Грах... Подломилось колесо!
Летит Евлампий, как серсо,

НАГРУЗКА ДУШИ

(Экскурсионная повесть).

— Так не забудьте же: в семь с половиной! Сто экскурсантов... Туда и назад...

Учитель ответствовал кислою миной и кинул на Зава расстроенный взгляд.

— Не беспокойтесь, разве не в курсе я, что завтра в восемь— очередная экскурсия?! . . . .

. . . .

С вечера Лёшка приготовил „вещи": нож перочинный, тетрадку, „Фабера номер второй", и, придав физиономии облик зловещий, натянул одеяло и заснул, как герой.

Вокзальное утро припекало спину.

Дрожал под ногами досчатый перрон. Кто-то, кого то в суматохе „двинул".

Вопил учитель: второй вагон!!! Ринулись. Влезли. Набились густо. Затараторили громко под стук колес.

А во дворце у заведующего на душе было пусто;

— Опять экскурсантов мне черт принес!

В июне дух от зелени—пряный... Хрустит гравий... Дорожки сбегают к крыльцу...

Тащат Лёшку на привязи от фонтана к фонтану. Гоняют мальчонку от дворца к дворцу.

...Эх, схватиться-б за ветку березы, Отстать незаметно—дать ходу в кусты... Пробраться на клумбы, понюхать розы, у конных статуй подергать хвосты...

Шагает Лёшка, сердце стучится, податься некуда, всюду— народ...

А совесть долбит, словно дятел: учиться! Сейчас тебя, братец, возьмут в оборот!

Царь на царе, фарфор на фарфоре, люстра на люстре, ковер на ковре... В глазах у Лёшки—большущее горе: сытость во взоре и голод в нутре.

— Наполеон Бонапарт. Был многих кумиром. Рядом—Людовик. Намотайте на ус!..

...Эх обещались—бутерброды с сыром, дали-б хотя-бы ситного кус!!

Семьдесять комнат, семьсот два портрета показали Лёшке и повезли домой, мимо парков и рощи, мимо сосен и лета, в город, забитый дневной кутерьмой.

Ворочался Лёшка во сне с боку на-бок, громоздились круто дворец на дворец, а Пал Палыч, учитель, разбухший, как жаба, орал во всю глотку: прощайте, конец!!

Анна Ильинишна, Лёшкина мама, сетуя горько на вдовье житье, всю ночь на постели вздыхала упрямо:

Ишь, черти! Совсем заучили дитё!

Александр Флит

НОВОЕ ИЗ ГЕОГРАФИИ

— Папа, а от нас далеко до холодного места?

— Недалеко: от *теплого* местечка до холодного — один шаг...

И попадает на балкон—
К флагштоку цепью пригвожден.
Погоня близко, найден след.
Спасенья нет! Спасенья нет!
К его отчаянью слепа,

Внизу сбирается толпа—
И вот ступил вперед один
Благообразный господин.
—Я,—говорит он,—Жюль Перро:

Корреспондент от „Фигаро".
Не сообщите-ль в интервью
Мне биографию свою?
Второй:—А я Джон Герберт Хькс:
Корреспондент от „Дэйли Ньюс".

—А я от „Wiener Zeitung" Шмидт...
И пред собою Надькин зрит
(Не в силах более молчать)
Всю европейскую печать.

Картиной сей потрясены—
Трах!—рвутся старые штаны.
Герой летит...
Герой внизу...
Но—страха ни в одном глазу!

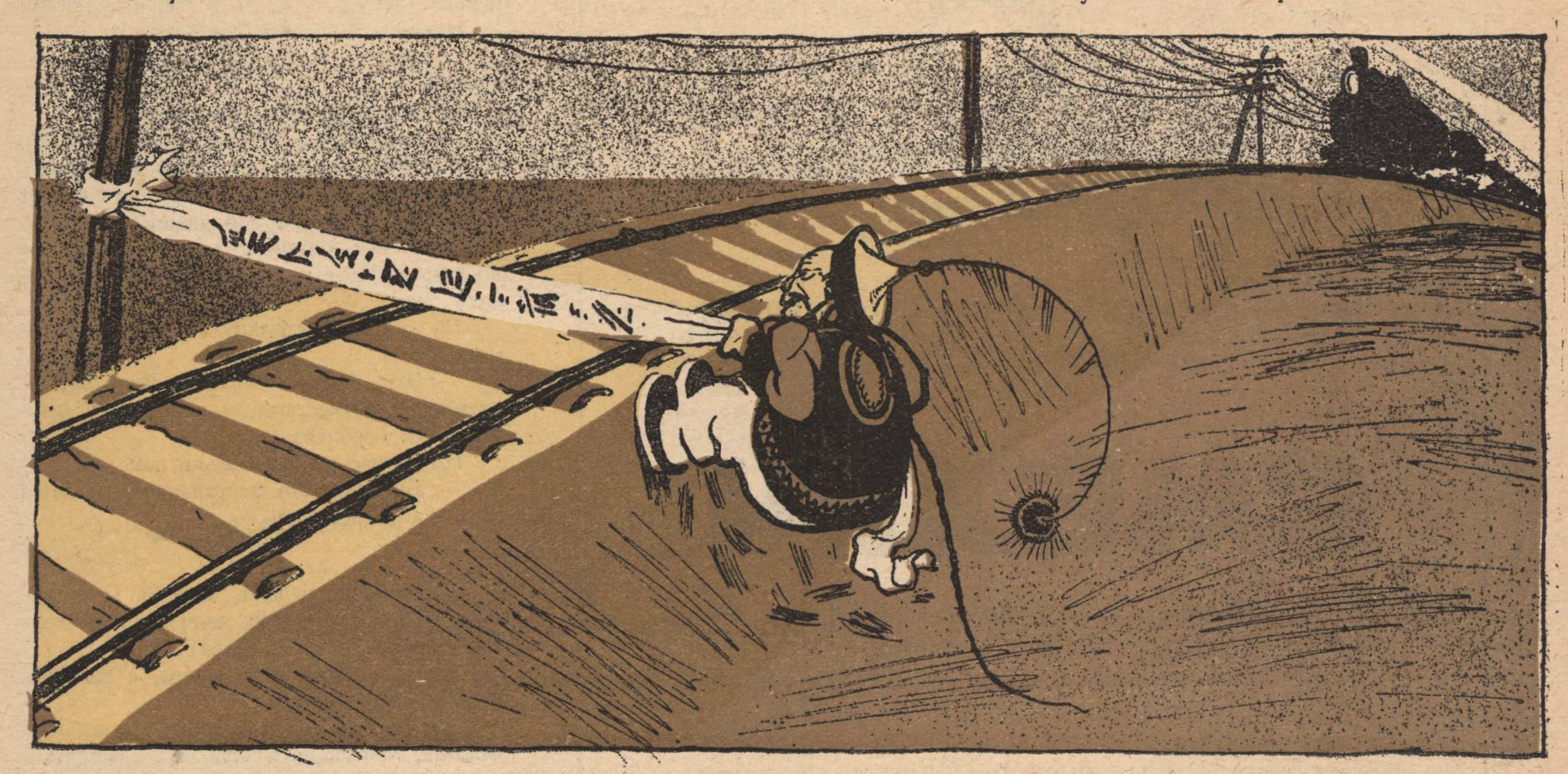

—„Где я родился, и когда,
„Ученья годы, дни труда,
„Любовь, исканье и вопче—
„Я дам в ближайшем „Смехаче"!

ЧЖАН-ЦЗО-ЛИНИЯ.

Рис. А. Юнгера

Конфликт на Китайско-Восточной ж. д. кончился победой С. С. С. Р.: Чжан-Цзо-Лин согласился на проведение в жизнь приказа управляющего Кит.-В. ж. д. тов. Иванова об увольнении белогвардейцев.

Он взял твердую линию,—

— но оказалось, что это—линия наименьшего сопротивления.

ВЕРХ ТЕРПИМОСТИ

Француз (в Марокко):—Найдите других таких терпеливых колонизаторов: мы, чорт возьми, терпим даже поражения!

ПЕРЕПУТАЛ

— Место службы?
— Культпросвет.
— Гм! Так и запишем: служитель культа.

НОВОЕ В НАУКЕ

— Петров, приведите пример непостоянства во вселенной.
— Квартплата, гражданин учитель.

ФИНАНСИСТКА

На улице Некрасова
(Бывшая Бассейная)
Стоит гражданка Власова,
Авдотья Евсеевна,
И щебечет звонче птички:
Спички! Спички! Спички! Спички!
Так на бывшей Бассейной,
Не боясь советской репрессии,
Богатеет Авдотья Евсеевна—
—„Лицо свободной профессии“.

М. Тименс

ОТДЫХ.

В тот день, когда Сергей Петрович Гребнев, в разгаре канцелярской работы, вдруг побледнел, выронил ручку и, не дописав срочного отношения, повалился в обморок,—в учреждении поднялась суматоха.

Сергей Петрович—единственный, незаменимый. Сергей Петрович главная ось в машине. Без Сергея Петровича—пропадать: золотая голова, организатор... и т. д.

Очнувшись, Сергей Петрович машинально потянулся к столу, но ему не дали, на него замахали руками со всех сторон.

— Что вы, что вы! Как это можно! Вы совсем больны, на вас лица нет!.. Отправляйтесь немедленно домой.

Спешно вызвали автомобиль. Предместком бережно вел Сергея Петровича подруку по лестнице. Секретарь отдела говорил:

— Долг учреждения—предоставить тов. Гребневу в экстренном порядке месячный отпуск. Мало того,—устроить на курорте. Пусть отдохнет и наберется сил. В Крым его! Вот куда!

Сергей Петрович, сразу обмякший и ослабевший, благодарно улыбался и бормотал.

— Все это хорошо... Конечно, отдохнуть бы... Но... на поездку в Крым денег нет.

— Ерунда! Как это—денег нет?! Предоставьте, пожалуйста, о финансовой стороне позаботиться нам!

Нередко слова, самые прекрасные, бросаются на ветер, а ветер несет их к чертям на кулички.

Но на сей раз все обернулось иначе, и через неделю Сергей Петрович, снабженный деньгами и санаторными документами, катил на юг, в мягком вагоне скорого поезда.

За окном мелькало все, чему мелькать полагается (мы воздержимся от надоевших описаний), и Сергей Петрович, растроганный, чуть не со слезами на глазах, шептал:

— Милые, отзывчивые! И денег дали, и мягкий вагон, а не жесткий, и койку в санатории купили...

Стучали мерно колеса, за окном мелькало... Впрочем, об этом уже сказано.

* * *

Снова был переполох.

Сергей Петрович вернулся с юга.

Пополневший, коричневый, как крембрюле, он весело жал руки обступившим его сослуживцам.

— Ну, что? Ну, как? Ого! Да вас, прямо, не узнать! Переродились! Небось, теперь гору свалить можете?!

— Могу!—в тон им отзывался Сергей Петрович:—И не только каменную гору, а даже бумажную!...

Когда первые восторги утихли, Сергея Петровича позвали в кабинет „к самому".

„Сам" благосклонно оглядел южанина с ног до головы.

— Прекрасно. Вот вы и поправились. Очень похвально.

— Не нахожу слов, чтобы отблагодарить за сердечное участие, которое... забормотал Сергей Петрович.

— Бросьте! Это был наш долг. Не стоит благодарности. Э-э... видите-ли теперь вы сильны, как Самсон и Далила. И это очень кстати. Нам необходимо развернуть отделение в Загородном районе. Не скрою,—работы будет по-горло, но вы, слава богу, набрались сил. Приступайте ж немедленно.

В тот же день секретарь вручил Сергею Петровичу приказ о новом назначении и, почесав нос, заметил:

— Там, знаете, оклад немножко поменьше: не 14-го, а 10-го разряда, но вы, слава богу, набрались сил...

А казначей подсунул ведомость на жалованье.

— Распишитесь и получите.

— Это что же за сумма: девять рублей, 72 копейки?—не понял Сергей Петрович.

— А жалование, с удержанием в счет погашения расходов по вашей поездке. Придется вам, батенька, четыре месяца попоститься. Но вы, слава богу, тово... набрались сил.

На лестнице столкнулся с предместкомом.

— Что с вами? На вас лица нет!—изумился предместком, вглядевшись в мрачное лицо Гребнева.

Но тотчас успокоительно заметил:

— Впрочем, это не страшно: вы, слава богу, набрались сил!

* * *

Прошло две недели. Сергей Петрович снова худ, как щепка цвета крем-брюле (он еще не потерял загара).

Вчера, в 11-м часу вечера, с ним был первый обморок.

Но автомобиля не подавали, так как человек, набравшийся силы, может вернуться домой и на трамвае.

Ив. Прутков.

МЕЖДУ ЗАВАМИ

— А чем же тяжела твоя должность?

— Да как-же: на ***шее*** жена и дети, ***на руках*** масса казенных денег, ***на носу*** ревизия, ***на душе*** кошки скребут, а ***в голове***—каменное здание исправдома...

БОРЬБА С УВЕЧЬЯМИ

— У нас на фабрике теперь нету увечий..

— Охрана труда, значит?

— Да нет—машина испортилась.

ГЛУПАЯ ЛИРИКА

После стирки небо так лазурно,—
С наслаждением гляжу в окно:
Прачка скандинавская недурно
Выстирала полотно!
Стирка продолжалась две недели;
Две недели пронеслись, и вот—
Небеса от синьки посинели,
А утюг тепло на землю льет.
Золотой утюг полотна гладит...
А влюбленные кричат кругом:
„Гражданин Поэт, Петрарки ради,
Не зовите солнце утюгом!"
Солнце, это—чудо-веретенце,
Что своей куделью золотой
Обновляет, красит, чрез оконце,
Бедный человеческий постой...
Солнце, это—золотое донце...
—Донце?. К чорту! Киньте сладкий бред!
Солнце—просто: рифма для „чухонца"
И для глупой лирики сюжет!
Вот сейчас: пришел отказ от Нади;
Лоб в морщинах: след глубоких мук...
Но я знаю: ласково разгладит
Мне морщины золотой утюг.
Только стоит подойти к оконцу,
Подавив сердечный свой озноб
И подставить ласковому солнцу
Жесткой лапкою измятый лоб...

Товавакня

СЕНЯ БУКАШКИН

„Всякий без исключения великий человек имеет наследственное отягощение.
У Л. Толстого, Л. Андреева и др. предки были алкоголиками или-же душевнобольными людьми".
(Из газетной статьи: „Гениальность и наследственное отягощение").

Сеню Букашкина я знал и любил давно (он служил помощником письмоводителя в Губархиве), и потому его приход ко мне меня не удивил-бы, если-бы было не так рано.

Было раннее утро, и по дворам еще не кричали татары-халатники.

А кроме того, Сеня имел сильно возбужденный вид: он не вошел, а влетел ко мне:

Победоносно размахивая номером газеты, Сеня Букашкин на ходу крикнул мне:

— Отягощен, отягощен!

Я подумал, было, что ликующий Сеня попал под фин-обложение, но вспомнил, что среди облагаемых не приходилось встречать радостных лиц.

А Сеня не умолкал:

— Наконец-то я нашел себя! У тебя среди родных не было хоть одного пьяницы, а еще лучше умалишенного?—в упор обратился ко мне с вопросом Сеня.

— Не было говоришь? Жаль! Тебе придется об этом не один раз пожалеть. Читай-ка! — и торжествующий Букашкин ткнул пальцем в газету, в статью с заголовком: „Гениальность и наследственное отягощение".

— Ты, знаешь,—тараторил Сеня,—когда я прочел эту статью, — я так и подпрыгнул кверху, словно языком мороженый топор лизнул! У меня такая наследственность, что самому Муссолини должен нос утереть. По какой линии ни ткнись — по восходящей, прямой или кривой—оказывается любой сродственничек был не простой человек: в моем роду были и пьяницы, и сумасшедшие, и мошенники. Ведь это не наследственность, а целое богатство! Дай бог здоровья покойничкам, не обидели Сеню. Да вот, посмотри сам: пра-прадедушка, могила ему пухом, любил играть на гармонии и на целую округу слыл самым ловким конокрадом. Прадедушка любил выпить и пил по 8 дней в неделю, а также — нещадно лупил детей, как в трезвом, так и в пьяном виде. Под конец свихнулся в отношении ума. Дедушка имел немалую склонность к живописи. Мне разсказывали, что однажды, в детстве, он на дверях бани попа-законоучителя, такого черта размалевал, что потом никто не ходил туда. Баню сожгли, а деда за черта выперли из школы.

Что касается бабушки, то покойница очень любила без отдачи брать деньги взаймы, и вдобавок была большая плясунья: за несколько минут до смерти, велела позвать балалаечника и умерла только после того, как отхватила на-славу трепака и комаринского. Теперь я знаю себе цену,— гордо добавил Сеня Букашкин.

— Хватит сидеть на „исходящем" в своем архиве. Дудки-с, кончено! Что, брат?! Перегнал тебя?! А ну-ка, покажи мне такую бабушку? Не-эт, брат, кишка тонка! Ну, прощай. Бегу прославиться!

Он потряс мою руку и исчез.

Ф. Е.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА"

(Адрес для корреспонденции: Ленинград, пр. Володарского, 53а).

Москва. Б. А. М. В истории „О хитроумном воре", вы хитроумно использовали старый анекдот.

Ленинск (Туркменск. Республики) Рабк. 2440. „Без языка" используем. Отчего мало пишем о Туркестане, Туркмении и Узбекистане? Но скажите,—как уместить на 16-ти страницах весь громадный СССР?!

Евдаково (Воронеж. губ.), Фоме Тихому. Заметки используем. У Смехкора обязательство одно: слать интересный материал.

Гверь, Б-рю. „Коля и Оля" (современный дуэт):

Тихо спокойно Оля служила,
В трест на машинке работать ходила,
Ручкой стучит,
Сердцем скорбит.

И правильно: нельзя делать наоборот — скорбеть ручкой и стучать сердцем.

Шумерля, Проныре. Присланных „Тараканов" используем. Шлите еще: мы прожорливы.

Краснодар, Каенко. Подходит. Напечатаем.

Казань, подписчику. Сделано распоряжение.

Минск, И. Ф-ву. На все четыре вопроса отвечаем единогласно: „да". Шлите бытовые очерки.

Толмачево, Шевинскому. Тема рассказа напоминает хороший каток: скользкая.

Иланская, Кол-ву. Стихи длинны и слабоваты:

...И взмахом проворного зайца
Прыг он на спину да-да.
Феклуша не только пригнулась,
Сильно заржала она.
Пыхтя надрываяся телом
По конски сопя и по-по.

Выражение „по-по" мало кому понятно.

Чита. Старому Ежу. В вашем присыле самое острое — псевдоним. Берите более интересные факты местной жизни.

Мерв. Безбрежному. Здравствуйте. Безбрежный! Вы, оказывается, живы и продолжаете писать стишки?!

Ответь мне, друг, на три вопроса:
Почему весят около твоего носа?
И на лице сонливая гримаса?
А на языке сквернословия и глупостей такая масса?

Не зная вас лично, на такие вопросы ответить трудно.

А скажите-ка вы нам: 1) неужели вы не жалеете марок на присыл чепухи? и 2) отчего не пишите путного о ваших краях?

Баку Ю. Ф. Поэма „Выгодное предприятие" ужасно невыгодна: куда мы поместим 168 строчек стихов?

Ив. Пр.

МУДРОСТЬ ВОСТОКА.

ис. М. Черемных.

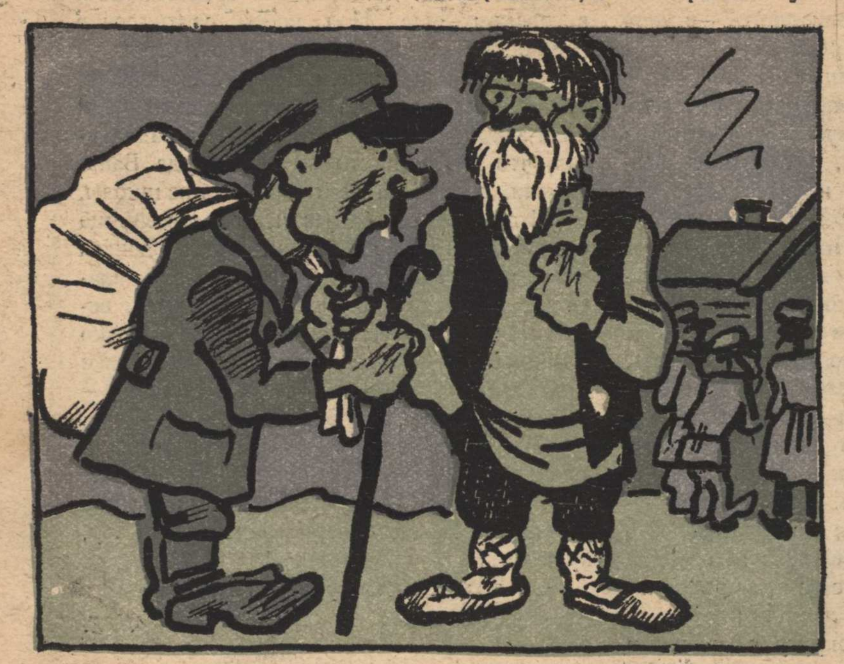
— Отгадай, чем Откомхоз хуже „Смехача"? Не знаешь? Откомхозу за место плати, а „Смехач" бесплатно самое лучшее угловое место для меня отвел!

Издатель: „ГУДОК"
Ответственный редактор А. С. Анаревчик
Ленинградский Гублит. № 13.197 Типография „Инвалид Печатник" Ленинград, Улица Войнова, 25. Тираж 60.000

НА ОТДЫХЕ

Группа отпускников является после отпуска в гораздо худшем виде, чем уехала, т. е. совершенно истомленной. Объясняется это тем, что они все время отпуска либо работали у частного хозяйчика, либо брали подряды. („Л.-Раб.", 20).

Рис. Н. Радлова.

Приехал Егор Гайкин на отдых в деревню. Литературки для крестьян привез. Видит, народ собрался.

— А это кто? Отпускники?

— Отпускники, милый. На работу наймаются.

Как прочие, так и Егор Гайкин.

Нанялся к кулаку.

— Эх, думает: мне бы кулака крыть почем зря, а я ему крышу крою!

— Эх! мать честная!—думает:—мне бы старый режим корчевать, а я кулацкие пни корчую!...

— Ну, погоди...—думает Егор Гайкин:—как с ночного ворочусь, обязательно мужикам литературу раздам. А какое завтра число? 21-е?! Елки-палки! 22-го на завод ворочаться!

Прибежал утречком с поля.

— Давай расчет! В город еду.

И бегом—на поезд. Бежит и литературу волокет, потому раздать не поспел.

В городе стал с извозчиком рядиться: силы нету, чтобы на себе литературу переть.

— А что,—говорит,—ты деревенский?

— Деревенский.

— Бери—говорит:—литературу. Раздашь мужикам.

И отдал.